

О ДИАЛОГИЧЕСКОМ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ⁷

1. Парадигмальный поворот, который происходит в эпистемологии исторического знания «после постмодернизма», в первых десятилетиях XXI в., предполагает нелегкий выбор – между ностальгией по автономному субъекту исторической репрезентации и признанием познавательной подлинности истории как речевой, ответно-герменевтической данности. Эмпирическая реальность восполняющих и верифицирующих друг друга исторических документов не может быть обобщена в рамках некоторого множества исторических универсалий или моделей исторической репрезентации. Такое обобщение предполагает, что исследователь «вынес свое я за скобки», вышел в гарантированную позицию абсолютного, внешнего наблюдателя. Однако *история – особое рода незавершимое гуманитарное знание*, которое «ничего не может нам подарить или гарантировать» [1, 8]. Истории нельзя доверять как некой субстанциальной данности, в ее теоретико-смысловом или текстологическом статусе. История никогда не могла познавательное восстановить, упрочить или заместить собою некое истекшее бывшее, но всегда обновляла это бывшее, познавательное или событийно реорганизовывала его. В практике исторического исследования доминанта всегда, даже в позитивистской теоретико-познавательной парадигме, оставалась и остается доминантой на лицо, пусть и воображаемое, на документируемый здравый смысл исторического познания, которое всегда олицетворено – удостоверено в историчном, целостном речевом поступке.

2. Современное понимание исторического знания с необходимостью предполагает его *экзистенциальное расширение*, положительное изживание абстрактно-теоретической доверчивости к истории как некоей «идее» (понимании истории как субстанциальной временности, законосообразности), «повествованию» и т.п. Перелицовывающее исторические документы «бессубъектное» или «полисубъектное» повествование всегда было только иллюзорно безлично. «Историзм», если воспринять его в меру собственной его историчности, явился переобобщением личностного познавательного

---

⁷ Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (Проект № 14-03-00068а).

начала, своего рода стилистической или «идейной» формулой достигаемой таким образом победы над прежде будто бы опознанной, субстанциально квалифицированной временностью или законосообразностью. За «историзмом», между тем, с самого начала стояло здоровое «доверие к себе», уверенность идеализирующего свое и познающего-таки «субъекта». Этот субъект может менять стилистико-эпистемологический облик, выступать как «субъект интерпретации», некоего познавательного перевоплощения – перехода из состояния оппозиции иному, «объективному» (или объектно понимаемой иной субъективности), в примирительное состояние фигуры речи, будучи при этом «фигурой мысли», решившейся отдать себе отчет в собственных речевых предпосылках.

3. «Иногда несколько смущаются тем, что слово «история» означает как «саму» историю, так и знание (науку) о ней. Между тем, история, ставшая историей для самой себя, уже не должна смущаться этим – «сама» история и знание о ней едины, если они вообще когда-нибудь по-настоящему расходились. История есть тогда знание о себе, положенное, как знание, в слово. Что такое «история»? Скажем так: это выведывание неизведанного через слово и в слове» [3, 461]. *Возвратное доверие к историческому познанию как словесно-речевой реальности* является тем проблематическим условием, без признания которого трудно представить себе ближайшее будущее исторических наук. Это признание нельзя назвать легким делом: для него требуются пересмотры тех основополагающих теоретических ценностей, гуманитарных предпосылок, которые ограничивали исторические исследования и обеспечивали истории познавательную респектабельность на протяжении нескольких последних столетий. Возвращение к словесно-речевой подлинности истории исключает мистификацию познавательной фактичности речевого другого в философии гуманитарных наук: он направлен не вовнутрь «субъекта», «времени» или «повествования» как эпистемологических образов другого и раскрывается в герменевтическом опыте речевого мышления – «опыте смерти и воскресения так называемых традиций» – в мышлении на покаяние» [2, 56]. Аналитическая сосредоточенность на «другом» как на новой эпистемологической инстанции ничем не выгоднее сосредоточенности на «своем», субъекте автономной исторической репрезентации; в этой сосредоточенности дает себя знать избегание «встречного момента» исторического познания, его не подлежащей субстантивации проблематичности.

4. Самый сильный пример экзистенциального фундирования познавательных процессов – историчная методология гуманитарного знания М.М. Бахтина, у которого, вместо одного понятия субъекта, – «живая единственная историчность», «ответственно поступающий

мыслью», «участное сознание» – три понятия, транскрибирующие термины традиционной гносеологии. В экзистенциальных ситуациях субъект изламывается, перерождается; он может быть контекстуально описан, ответно «схвачен»; он свободен в выборе, но готов осознавать необходимость иного самопостроения, ввиду этой свободы. Методологические установки М.М. Бахтина позволяют распознать «субъект» исторического знания как последовательно «поступающий» – его конкретная, жизненная полнота проступает на границах словесно-речевой ответственности и неповторимой онтологической чуткости.

5. Проблематически очевидна необходимость разработки нелинейных стратегий локализации эпистемологических состояний исторического знания, по мере ситуационного или конкретно-тематического выявления этих состояний в истории интеллектуальной культуры. Удаленность современных исторических исследований от своих прежних универсалий, недоверие к их реальности, как, впрочем, и развеявшиеся чары методологического скептицизма, предполагают возвратное понимание исторического познания как словесно-речевой реальности. Невозможна, при этом, ни еще одна последняя точка зрения на теоретические ценности, ни осмысление словесно-речевой реальности как новой исторической универсалии. *Историческое знание переосмысливается герменевтико-эпистемологически, именно диалогически.*

Литература

1. Бахтин М.М. К философским основам гуманитарных наук // Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 5. – М.: Русские словари, 1996. С. 7-10.
2. Махлин В.Л. Второе сознание: подступы к гуманитарной эпистемологии. – М: Знак, 2009. – 632 с.
3. Михайлов А.В. Избранное. Историческая поэтика и герменевтика. – СПб.: Изд. дом СПбГУ, 2006. – 278 с.

Пеньков В.Е.

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
Белгород, Россия*

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗМЕРЕНИЯ ЭВОЛЮЦИОНИЗМА И ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ НАУЧНОГО ПОСТИЖЕНИЯ ТРАНСЦЕНДЕНТНОГО

Взаимосвязь человека с Космосом можно рассматривать через понятие трансцендентного, которое представляет собой то, что находится за границами сознания и познания и может быть представлена в нескольких аспектах.